Покровский Борис

Реклама 20 1998 октября

20.10.98

Веч. Москва — с. 6

Юбилейное

МХАТ, любовь моя!

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Претенциозность этого заголовка очевидна лишь для тех, кому не повезло родиться в пору, когда Художественный театр действительно владел умами и сердцами многих людей.

Я, правда, тоже далеко не ровесник МХАТа. Но все же мне повезло: я начал ходить сюда регулярно с конца сороковых годов, когда живы были еще многие старики первого призыва и в расцвете сил пребывало почти все второе поколение.

Николай Павлович Акимов как-то рассказывал, что в детстве родители привели его на премьеру «Синей птицы» М. Метерлинка. Спектакль произвел на семилетнего мальчика неизгладимое впечатление. Однако затем многие другие постановки, что он видел здесь же после 1908 года, не раз заставляли его усомниться, так ли уж правы те, кто считают МХАТ лучшим театром в мире?

У Акимова по этому случаю даже была своя присказка. Он говорил, что, сколько помнит себя, постоянно слышит разговоры о временном недуге Художественного театра и все ждет, когда же тот поправится? Но беда МХАТа, по мнению Акимова, состоит в том, что его высокий статус не позволяет Художественному театру лечиться в районной поликлинике. К такому хворому на дом вызывают консилиум из лучших профессоров.

Правда, положение у эскулапов незавидное, потому что они лишены возможности побеседовать с больным или хотя бы издали взглянуть на него. Он лежит под одеялом, укрывшись с головой. И все увещевания с просьбой подать хоть какой-нибудь признак жизни ни к чему не приводят. Отчаявшись, наиболее неопытные врачи осторожно берутся за кончики одеяла в надежде, что сейчас они его приоткроют и увидят того, кто до сих пор никак не реагировал на все их призывы. И тут из-под одеяла без всякого предупреждения раздается автоматная очередь на поражение. На этом консилиум заканчивается до следующего раза. А больной продолжает себе здравствовать как ни в чем не бывало...

За полвека я тоже видел во МХАТе разные спектакли (в том числе и такие, что не делали ему чести). Одни доживали свой славный век, другие рождались у меня на глазах.

«Глубокая разведка», «Школа злословия», «Плоды просвещения», «Анна Каренина», «Воскресение», «Три сестры», «Дядя Ваня», «Горячее сердце», «Лес», «Таланты и поклонники», «Последняя жертва», «Поздняя любовь», «Милый лжец», «Пиквикский клуб», «Последние дни», «Враги», «Мещане», «На дне», «Мертвые души», «Идеальный муж», «Соло для часов с боем...». Называю выдающиеся спектакли, которые смотрел не один раз. И вовсе не обязательно в той последовательности, в которой они выпускались. Но помню их так, будто это было вчера.

Никогда не забуду ночные очереди в суточную кассу — была такая именно в этом театре, где билеты продавались только на сегодня. Практически там можно было купить лишь входные билеты — места на ступеньках. В бельэтаже такой билет стоил 4 рубля, на балконе — 3. Ах какие то были «сладкие» места! Но не все сразу догадывались, как важно было их своевременно «забронировать» обеими ногами в буквальном смысле слова, пока этого не успел сделать кто-то другой. А когда после третьего звонка намертво закрывались все двери, ведущие в зал, надо было за считанные секунды умудриться подложить газету и бесшумно присесть на свою ступеньку.

Зато каких актеров мы видели! Господи, я бы и сегодня согласился не то что занять места на заветных ступеньках, но и просто выстоять на ногах спектакль, лишь бы снова увидеть и услышать Качалова—Барона или от Автора; Тарасову—Татьяну Луговую, Машу, Юлию Тугину; Еланскую—Катюшу Маслову; Шевченко—Василису, Матрену, Глафиру Фирсовну; Ливанова—Ноздрева; Зуева—Коробочку; Добронравова—Войницкого; Кольцова—Тузенбаха; Яншина—сэра Питера, Вафлю, Кузовкина, Маргаритова; Попову—Марго, Настену; Кторова—Шоу; Андровскую—леди Тизл, пани Конти; Петкера—часовщика; Массальского—Джингля; Степанову—Бетси, Мариэтт; Грибова—Чебутыкина, Луку; Прудкина—Карамазова; Станицына—губернатора, Курослепова, Андрея Прозорова; Орлова—актера; Грибкова—Смердякова; Топоркова—Чичикова, Мориса, Кругосветлова...

В начале 50-х годов я снова попал на спектакль «Воскресение» уже без Качалова. Все шло как обычно, только антракт подозрительно затянулся. Наконец выходит на авансцену главный администратор Андрей Алексеевич Белокопытов, приносит извинения за задержку и объявляет: в связи с внезапной болезнью артистки М. А. Дурасовой роль графини Чарской сегодня любезно согласилась исполнить первая исполнительница народная артистка Советского Союза...

Дальше Белокопытову договорить не позволили: поднялось нечто невообразимое! А когда все же занавес открыли и мы увидели в кресле Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову — она давно уже оставила сцену, — зал встал, словно это был юбилей, и устроил овацию. В конце концов у приученной основателями к «четвертой стене» выдающейся актрисы терпение лопнуло, и она по-царски небрежно взмахнула платком в сторону зала и вмиг привела всех в чувство...

Разве такое забывается?

Как известно, любой театр, как все живое, не может существовать вечно. Основатели МХАТа считали, что каждые 10—20 лет он должен рождаться заново. Вот почему, думаю, в эти осенние дни правильнее было бы отмечать не столетний юбилей МХАТа, но столетие со дня его рождения.

А столетие пусть справляет чеховский Гаев: он ведь беспокоится не об одушевленном предмете, но о книжном шкафе, который при бережном отношении может и в самом деле прожить и двести, и триста лет...

Мы же должны сегодня воспользоваться случаем и возблагодарить судьбу за то, что она дала нам возможность в разные годы соприкоснуться с театром, какого никогда нигде прежде не было, определившего пути мирового театрального искусства, его место в жизни общества, о котором до рождения детища К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко мало кто даже догадывался.

Шапки долой, господа!